

УДК 94(477)(930)«1918»

**ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ АРГУМЕНТЫ
ПРОТИВ ТЕНДЕНЦИИ ОТКАЗА
ОТ ПРИНЦИПАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ
И ОЦЕНОК (СООБРАЖЕНИЯ В СВЯЗИ
С КНИГОЙ «УКРАИНА – 1918. ВЗГЛЯД
ИЗ ГЕРМАНИИ»)**

**ADDITIONAL ARGUMENTS AGAINST THE
TENDENCY TO ABANDON PRINCIPLED
APPROACHES AND ASSESSMENTS
(CONSIDERATIONS IN CONNECTION WITH
THE BOOK «UKRAINE–1918.
A LOOK FROM GERMANY»)**

**ДОДАТКОВІ АРГУМЕНТИ ПРОТИ ТЕНДЕНЦІЇ
ВІДМОВИ ВІД ПРИНЦИПОВИХ ПІДХОДІВ І
ОЦІНОК (МІРКУВАННЯ В ЗВ'ЯЗКУ З КНИГОЮ
«УКРАЇНА – 1918. ПОГЛЯД З НІМЕЧЧИНИ»)**

Солдатенко В. Ф.,
доктор исторических наук, профессор,
член–корреспондент НАН Украины, главный
научный сотрудник Института политических
и этнонациональных исследований
им. И. Ф. Кураса НАН Украины (Киев, Украина),
e–mail: soldatenko.v.f@gmail.com

Soldatenko V. F.,
Doctor of historical sciences, professor,
corresponding member of National Academy of
Sciences of Ukraine, Chief Researcher, Institute of
Political and Ethnic Studies Ivan Kuras NAS of Ukraine
(Kyiv, Ukraine), e–mail: soldatenko.v.f@gmail.com

Солдатенко В. Ф.,
доктор історичних наук, професор,
член–кореспондент НАН України, головний
науковий співробітник Інституту політичних і
етнонаціональних досліджень ім. І. Ф. Кураса НАН
України (Київ, Україна), e–mail:
soldatenko.v.f@gmail.com

Публикация посвящена анализу и оценке одной из недавно появившихся книг трех немецких авторов, являвшихся участниками важных исторических событий в Украине 1918 г. – начала 1919 г. Содержатся соображения относительно возможного использования новых интересных материалов в исследованиях отечественных ученых.

Ключевые слова: вторжение, оккупация, репрессии, восстания, война, реквизиции, грабежи, украинско–немецкие, украинско–польские и германско–еврейские отношения.

Publication is devoted to analysis of one of the newest books by German authors, who were participants in important historical events in Ukraine in 1918–early 1919. It contains considerations regarding the use of new interesting materials in domestic studies.

Keywords: invasion, occupation, repression, uprisings, war, requisition, robbery, Ukrainian–Galician, Ukrainian–Polish, Ukrainian–Jewish relations.

Публікація присвячена аналізу та оцінці однієї з книг, яка недавно з'явилася, трьох німецьких авторів, що були учасниками важливих історичних подій в Україні 1918 року – початку 1919 р. Містяться міркування щодо можливого використання нових цікавих матеріалів в дослідженнях вітчизняних вчених.

Ключові слова: вторгнення, окупація, репресії, повстання, війна, реквізиції, грабежі, українсько–німецькі, українсько–польські та німецько–еврейські відносини.

(стаття друкується мовою оригіналу)

Актуализация в последние десятилетия концепции Украинской национально–демократической

революции 1917–1920 гг. привела к несомненному углублению исследований и совершенствованию сущностных трактовок событий бурной, переломной эпохи. Одновременно проявились неединичные попытки искусственного пересмотра сложившихся историографических традиций, относящихся к фундаментальным аспектам представлений о важнейших элементах, незначительных страницах опыта прошлого. Думается, есть веские основания отнести последнее соображение к выводам, обобщениям, квалификациям касательно такого национального феномена как Гетманат 1918 года, причины и факторы его появления, государственно–политическая сущность, обусловленность неотвратимого кризиса и краха.

Автору данной публикации уже приходилось высказывать собственную, во многом критическую точку зрения по поводу попытки включить восемь с половиной месяцев правления П. П. Скоропадского в естественный этап Украинской революции, как бы не стремились его наименовать: то ли «консервативной революцией», то ли «малороссийским проектом», а то и наиболее предпочтительным и даже «единственно прогрессивным» вариантом поступательного исторического движения нации [1].

Подобная потребность возникла и в процессе предметного рефлексирования на органично связанные с выше обозначенным сентенциями определения, с помощью которых осуществлялись попытки трансформировать (конечно, не в сущностях, а в квалификациях, применяемых терминах) австро–германский оккупационный режим 1918 г. в некие общественные явления едва ли не международного гуманизма – дружественной помощи в избавлении от нечеловеческих жестокостей большевистских практик (и потому заслуживающих безусловного оправдания), временного административного управления воинскими подразделениями Центральных держав украинскими территориями, важного фактора политической стабилизации Украинской Народной Республики. Для достижения такого, по возможности, смягчающего впечатления эффекта изыскивались и продолжают поныне подбираться различные словесные конструкции, самым последним из которых, очевидно, явилось введение в научный оборот понятия «нетипичная оккупация» [2].

Так случилось, что практически параллельно появляются на свет публикации, содержание, выводы, оценки которых входят в противоречие с упомянутыми, во многом конъюнктурными тенденциями. Это, в частности, крупная монография интернационального коллектива авторов, использовавших объемные пласты документов иностранных архивов, в том числе и австрийского, венгерского, немецкого происхождения [3]. В полном соответствии с идентичной терминологией первоисточников авторы называют вещи «своими именами», цитируя выявленные и привлекаемые тексты и, соответственно, самостоятельно используя их непрепарируемую первозданность.

Это характеристика исторической картины с помощью давно устоявшихся терминов «война», «агрессия», «интервенция», «оккупация», «репрессии», «грабеж», «сопротивление», «крестьянские восстания», «национальная война» и т.п. Это позволило предложить дистанцироваться от излишней идеологизации и политизации в оценке процессов столетней давности, снять неестественные конъюнктурные наслоения, вернуться к апробированным представлениям на добротном научном уровне [4; 5; 6; 7].

В плане по существу объективно завязавшейся дискуссии немалый интерес представляет недавно появившаяся книга «Украина–1918. Взгляд из Германии» [8]. Ее подготовило издательство «Содружество «Посев»» в переводе с немецкого, с предисловием и комментариями Л. В. Ланника. В книгу вошло три публикации непосредственных участников событий: Ханса Тинтрупа «Война на Украине» (впервые появилась в 1919 г. в Штутгарте и переиздана в 1938 г. в Эссене), Фридриха Шрадера «Беженцем через Украину: из дневника моего бегства из Константинополя» (опубликована в 1919 г. в Тюбнгене) и Карла Гельсхорна «С германскими войсками на Украине: к истории германской катастрофы» (Кенингсберг, 1919).

Автор первого материала Х. Тинтруп в качестве вначале лейтенанта, затем капитана–кавалериста с первых же дней похода германского воинского контингента в Украину и практически до окончания акции участвовал в осуществлении оккупационной политики, побывав во многих регионах Украины – от Волыни до Донбасса, от Екатеринославщины до Таганрога и Одессы. Профессору Ф. Шрадеру довелось из Одессы кружным путем вокруг Киева выбираться к западной границе, испытывав тяготы положения гражданина потерпевшего поражение в Первой мировой войне государства в конце 1918 г. – начале 1919 г. К. Гельсхорн, будучи военным священником, также не понаслышке знал и пытался оценить то, что происходило в Украине практически с первых месяцев оккупации и до триумфа власти Директории.

Несомненно, все трое обладали недюжинным литературным талантом (по крайней мере, довольно хорошими публицистическими способностями), склонностью к серьезной аналитике и обобщениям, а написанное ими органично дополняет друг друга, позволяет воссоздать комплексную, весьма реалистичную и довольно убедительную картину. При этом, несомненно, обратят на себя внимание некоторые аспекты и детали, которые практически не попадали на страницы научных изысканий.

Конечно, в журнальной публикации нет возможности передать (хотя бы посужетно упомянуть) все подходы и оценки действий и фактов, которые нашли отражение в книге. Целесообразно ограничиться лишь наиболее важными и существенными (может больше – концептуальными) моментами, не считая возможным вникать во многие фактологические неточности, явно несостоятельные или субъективные трактовки (в значительной степени

эту задачу выполнил, хотя и не абсолютно во всех случаях безукоризненно, составитель книги в примечаниях).

Характерно уже название первой главы записок офицера – «Вторжение» (8, с. 11–25. Поскольку далее ссылки осуществляются исключительно на историографический источник под №8, т.е. рассматриваемую книгу, представляется целесообразным указывать только страницы данного издания–В. С.). То есть, не приход войск, по официальному приглашению Центральной Рады, не союзническая помощь и не цивилизационный долг...

Кстати, переступив 19 февраля 1918 г. «через сеть русских окопов и заграждений», германские войска были обескуражены: окопы были пусты и давно заброшены (с. 12–13). Заняв без единого выстрела Луцк, началось очень быстрое наступление на Ровно: «Наше продвижение катилось вперед, вглубь страны настолько беспрепятственно, говорится в публикации, – что мы по–прежнему выставляли охранение лишь из чувства долга, а в остальном наступали как на маневрах...» (с. 13–14).

Данный аспект представляется весьма важным. Он свидетельствует, что скудные войска УНР оставляли Правобережье без сопротивления – просто уходили, а красноармейские части даже практически не успели войти в регион. Но проникающие вглубь украинской территории иностранные войска «по неоспоримому праву войны с полным основанием» (с. 19) начали присваивать себе имущество местных граждан, осуществлять «совершенно законную его реквизицию» (с. 20). Грабеж коснулся, конечно, в первую очередь крестьянства, поскольку иностранные воины с сожалением буквально на каждом шагу встречали «множество бессмысленно сожженных поместий» (с. 21), хотя сразу же уловили «ненависть к местному чуждому по национальному происхождению, то есть польскому дворянству» (с. 22).

Опасаясь за то, что у местных жителей может быть припрятано оружие, немцы поспешили его изъять, применяя строжайшие меры, террор. Так, «командир эскадрона вюртембергских улан, давший городскому голове одного местечка 1,5 часа сроку с обещанием, что если в ходе последующего обыска в домах будет найдена хотя бы одна единица оружия, он, голова, будет за это расстрелян со всеми домочадцами» (с. 21).

Проникая вседалее в сердце Украины пришельцы ощущали не только радушный прием со стороны местных жителей (такое, особенно в первые дни тоже было), но и массовое сопротивление в попытках добыть продовольствие и фураж, когда «зачастую оставалось только хвататься за кобуру пистолета», что, по мнению немецкого офицера, являлось естественным для «любой оккупационной армии» (с. 26). Терминами «завоевательный поход», «оккупация», «оккупационный режим», «иностранный оккупационный режим», «немецкая «аннексия Украины», повсеместные «рейды» и

«реквізиції», «м'ягка малая война», «карательные экспедиції против банд грабителей» (речь о восстающих крестьянах, которых без каких-либо сомнений именуют большевиками – В. С.), «неусыпная охрана станций, линий железной дороги и сооружений» пестрят страницы рассказа Х. Тинтрупа, чем дальше внедрялись в регион новоиспеченные союзники (см., напр.: с. 27, 29, 31, 32, 41, 73, 162, 178, 285 и др.). При этом необходимо сделать особый акцент на том, что речь идет не о рассыпанных повсюду попавшихся под руку удобных или случайных словах, а о сознательной характеристике реальных процессов и явлений, заполнявших жизнь граждан Украины и тех иностранных воинов, которые оказались на подчиненной себе вооруженной силой территории.

То есть, опровергать десятилетиями складывавшиеся представления и оценки относительно характеристики германского пришествия в Украину как интервенции и оккупации вряд ли оправдано. Смысл и содержание новой книги в категориях причастных к событиям лиц свидетельствует об обратном, как бы это не нравилось, не устраивало тех, кто предпочитает изменчивую конъюнктуру строгим научным подходам.

Особенно убедительны в отмеченном отношении серьезные, грамотные размышления священнослужителя К. Гельсхорна, который поставил перед собой задачу «осмыслить причины... нашей катастрофы» в 1918 г., понять, как случилось, что «Украина... для нас, немцев, является просто одной из утраченных позиций» (с. 283).

Отец Карл, как и другие его соотечественники, пытается не только раскрыть причины военной экспансии в Украину, но и найти элементы оправдания простыми фактами. Естественно, он апеллирует, прежде всего, к тому, что «ведь к нам за помощью обратилось само украинское правительство, так как своими силами справиться с большевиками оно не могло» (с. 285). При этом у немецких военнослужащих преобладало убеждение в правомерности своей миссии: «Когда мы, немцы, только вступили на Украину, то испытывали возвышенное ощущение, что пришли сюда как спасители и освободители, как для наших соотечественников – многочисленных немецких колонистов, так и для украинского населения, которое страшно притесняли большевистские банды, сжигавшие все подряд» (с. 285). В цитируемой фразе привлекает к себе внимание такой аргумент, как акцент на стремление в водовороте революционных потрясений прийти на выручку германским колонистам, что почти всегда остается вне поля зрения украинских авторов. Для зарубежных авторов неоднократное обращение именно к данному соображению, особенно касательно регионов Юга Украины и Крыма, где проживало достаточно много этнических немцев, является отличительной чертой рассуждений.

В этом же плане следует упомянуть и о том, как грустно сокрушается евангелистский священник по поводу краха германской оккупации Украины,

довольно прямолинейно вопрошая: «Как же теперь Германия сможет защищать немецких колонистов в такой дали, на чужбине, где уже обещали землю для их расселения?» (с. 329) (подчеркнуто мною – В. С.). Конечно, такую информацию (в частности – обещания) желательно бы соотнести с документальными источниками, однако даже приведенные сведения о подобных настроениях-ожиданиях, безусловно, немало значат для понимания стратегии и смысла похода – «вторжения» западных военных интервентов в Украину.

Попутно следует заметить, что все три автора книги исходят из того, что большевизм несомненно был злостным врагом для украинцев и его обязательно необходимо было физически уничтожить. Неизменный синоним тут – бандитизм. И сомнений на данный счет не обнаруживается, когда не только факты расходятся с декларативными утверждениями, но кажется, уже вплотную подводят к выводу, что основной массив местного населения – крестьянство, согласно неопровержимым фактам, было вовсе не против политики большевиков. Так, К. Гельсхорн вполне резонно замечает: «...Никак нельзя умолчать о том, что немцы слишком уж односторонне защищали интересы польских крупных помещиков (речь, прежде всего о Правобережье – В. С.). Тем самым мы заставили (тут и далее подчеркнуто мною – В. С.) украинских крестьян возненавидеть себя, ведь они силой попытались увеличить свои скудные наделы за счет помещиков и теперь со злобой смотрели, как немцы лишают их всех приобретений» (с. 286).

Своему соотечественнику вторит и Х. Тинтруп, вполне здраво рассуждая, что «Юг России (т.е. Украина – В. С.) – преимущественно крестьянский регион; на чью сторону крестьяне встанут, тот и будет хозяином этой страны... А вот возвращение помещиков, напротив: это было восстановление лишь недавно снятого векового ярма, тысячекратного насилия, унижений и беспощадной эксплуатации со стороны высокородных господ и жестоких управляющих поместьями; это означало, что вновь придется довольствоваться прежним, убогим, зачастую слишком скудным наделом; это была потеря всего того, что считали платой за неслыханные лишения военного времени, тех завоеваний революции, в сохранение которых искренне верили. «Идите домой, берите землю, не теряйте ни минуты», – так зывал Ленин к армии на фронте, тем самым чрезвычайно ускорив ее распад. Можно ли было вновь поставить под вопрос это величайшее, столь желанное достижение? В этом и заключалась проблема, в которой душа крестьянина оказывалась наиболее ранимой, в этом и крылась причина провала всех прежних и будущих попыток контрреволюции; ведь сколь бы мало ни осознавал русский мужик идеалы советского государственного устройства, многократно усилившего нажим на него и донимавшего его своей неустроенностью, он все же ни на миг не замедлил бы поспешить под красное

знамя ради борьбы против белых генералов, победа которых означала для него возвращение прежних порядков» (с. 27–28).

Однако в целом реалистичные соображения наталкивались на прагматичные расчеты оккупантов, которые вынуждали их действовать в ином направлении. «Значительная часть чиновничества, чье содействие было для нас незаменимым, комплектовалась выходцами из высших слоев буржуазии, тесно связанной с помещиками кровными узами и деловыми связями. Поэтому важным направлением нашей «реальной политики» было сохранить их на своих постах при наличии у них хотя бы отчасти доброй воли к сотрудничеству: это была цель, которая казалась в целом стоящей известных затрат. Однако возникал вопрос, сколь далеко нам придется зайти в своих уступках, чтобы оказалось возможным проводить политическую линию, негативную по отношению к мнению народных масс, а тем более к тем требованиям народа, которые здесь уже когда-то отстояли. Не следует забывать также и о том, что именно демократические круги местного населения, положительно воспринимавшие революцию, и стремились к созданию независимой Украины. Таким образом, их основная цель была той же, что и у германской политики, она даже совпадала с главной задачей войны, которую мы вели против России. Однако же тот, кто стремится достичь цели, не должен стесняться идти к ней единственным путем. А этот путь лежал только через демократию» (с. 29).

Иными словами, во главу угла жестко ставился корыстный немецкий интерес, хотя автор и стремится к оправданию якобы детерминированных действий: «земельный вопрос был коренным и внашей оккупационной политике. Мы пришли в эту страну извне и не имели никаких оснований выставлять себя слугами уже свергнутых порядков; в том, что закон здесь был погран, мы были ни в коем случае не виноваты. Единственной и безусловной, судя по здешним обстоятельствам, нашей задачей было извлечь для себя максимальную выгоду. Чисто по-человечески следовало сожалеть о том, что достоиние русских помещиков отобрано и разграблено, а высший слой буржуазии претерпевает суровые лишения, однако это никак не должно было воздействовать на наши политические расчеты.

То, что последнее все-таки случилось, я могу признать только тяжелой ошибкой. Оказалось, что все перипетии и последствия часто проявляемой деловитости, чувство общности сословного происхождения, схожий образ мысли и частные интересы крупных украинских помещиков и промышленников, с одной стороны, и нашего высшего генералитета, который с охотой или без нее все же взялся здесь и за политику, – с другой, возобладали над требованиями холодного рассудка и национальной выгоды» (с. 28).

Воспроизведено вполне определенно свидетельствует о том, что в «реальной политике» оккупантов безусловно доминирующим был

классовый (сословный) подход, как бы его ни старались сегодня сгладить, подменить любыми другими аргументами, в первую голову, потребностями противодействия революционным, леворадикальным устремлениям и процессам.

Оставаясь во многом верными бытующим в западноевропейских странах стереотипам о собственном моральном превосходстве над славянским миром и, по большому счету, не весьма предметно разбираясь в тонкостях украинско-российских отношений, часто отождествляя русских с украинцами, именуя украинский язык наречием, на котором «из образованных людей... никто не говорил» (с. 30), потому он, дескать, оставаясь «языком простонародья, народных песен и поэзий» (с. 231), сомневаясь в реализме планов отделения Украины от России, создания самостоятельного украинского государства (с. 231, 277–278), представители Германии, тем не менее, достаточно четко представляли себе и прогнозировали последствия своих деяний для украинского этноса. Особенно наглядно это предстает из рассуждений вокруг эпизодов, связанных с беспардонным разгоном Центральной Рады, государственным переворотом 29 апреля 1918 г., становлением и функционированием гетманской политико-правовой государственной модели.

Так, германский офицер пытается возложить основную ответственность за происшедшее, прежде всего, на украинский истеблишмент, в котором отчетливо давал «...себя знать ужасающий недостаток толковых голов и компетентности в любых вопросах; повсюду воцарилась туманная, словоохотливая писанина, превозносившая власть народа и человечность, однако не располагавшая ни малейшей силой, чтобы принимать решения в соответствии с создавшейся обстановкой. И если новое правительство теперь оказалось несогласно с ценой, которую потребовала Германия за свою помощь, или же только с методикой германского наступления, недооценивая всей тяжести и обременительности, которые в настоящее время связаны с действиями иностранной оккупационной армии, или же его члены вообще так и не пришли к единому мнению по этому поводу, довольноно: уже менее месяца спустя обнаружилось такие трения между ним и командованием германскими войсками, что дальнейшая совместная работа казалась весьма сложным, если не невозможным делом» (с. 31; имелись ввиду распоряжение командующего Германскими войсками в Украине генерал-фельдмаршала Г. Фон Эйхгорна от 25 апреля 1918 г. о введении юрисдикции немецких военно-полевых судов по отношению к местному гражданскому населению и события вокруг ареста близкого к германскому командованию банкира А. Доброго – В. С.).

Отсюда же вытекает и авторская логика воссоздания механизмов формирования и судьбы гетманского режима. «И вот такой момент использовал один честолюбивый офицер бывшей царской армии, генерал Скоропадский,

чтобы захватить власть. Он выступил, ...создав видимость, что действует без поддержки нашего командования, признал выдвигаемые требования, обещал полную лояльность как со своей стороны, так и со стороны своих сторонников и тем самым добился, что ему, как «гетману», вручили бразды правления государством, конечно, только лишь из-за отсутствия лучшего выхода из ситуации. Ведь тогда, несомненно, вполне брали в расчет, что его правительство никогда не будет восприниматься массами населения как истинно народное; Скоропадский был и остался старорежимным русским генералом, которому внутренне ничто не было так чуждо, как попытка воспринимать созданные революцией условия как окончательные; да и с внешнеполитической точки зрения, что поначалу лишь подразумевалось, а летом уже и стало выражаться открыто, он видел в независимой Украине лишь переходную конструкцию, «обитель порядка», как бы сказали позднее, для вновь воссоединившейся в будущем буржуазной, если даже не монархической России. И, наконец, решающее обстоятельство: этот великорусский дворянин и офицер в глазах населения был и не мог быть никем иным, кроме как ставленником, марионеткой германских военных властей, которые через него управляют страной, как только пожелают» (с. 32).

Германский гражданин нашел в себе силы на горькую самокритичную сентенцию. «Я до сих пор отчетливо помню в чем-то извещающий, а в чем-то и извиняющийся тон, с которым оккупационные власти сообщили о смене правительства. Возникло ощущение, что Рада, с которой было так тяжело работать, будто бы сама лишилась почвы под ногами и теперь, словно утопающий, протянула руки к этому генералу, а подняв его на щит, вновь отрелась от всего того, о чем заявляла до этого. При этом лишь для того чтобы преодолеть сиюминутные трудности, она проявила неслыханную в будущем услужливость. Ведь теперь по всей стране были убеждены, что действительным намерением немцев была аннексия Украины, а тем самым против них были восстановлены все как демократические, так и националистические элементы: смена большевистского господства на германское представлялась теперь в едва ли более радужном свете, чем изгнание дьявола Вельзевулом» (с. 32).

Приведенные довольно пространные извлечения из анализируемого издания представляются совсем не излишними. На них желательно обратить внимание тем отечественным историкам, которые считают определения «интервенция», «оккупация», «марионеточный режим П. П. Скоропадского» и другие, связанные с ними, досужими домыслами советской историографии, следствием идеологического давления на ученых тоталитарной системы. Но немецких авторов, опубликовавших свои работы еще в 1919 г., вряд ли можно заподозрить в симпатиях к коммунистическим доктринам, влиянию на них большевистских взглядов (на страницах книги встречается немало

резко негативных оценок большевизма (с. 230, 260, 329, 332 и др.)). Просто, в данном случае мы имеем дело с рефлексиями очевидцев на непростые события, попытками их по возможности адекватнее передать и непредвзято оценить. Речь, по существу, о мемуарных первоисточниках высокого качества, содержащих весьма важную информацию для размышлений и научных выводов.

Вряд ли стоит специально подробно останавливаться на сюжетах, связанных с экономическими (хозяйственными) аспектами деятельности оккупационного режима. Достаточно ограничиться лапидарным замечанием–выводом: «На Украине, где их (германских и австро–венгерских войск – В. С.) продвижение шло особенно быстро и легко, они поистине наложили руку на кладовую России и в глубине души уже видели, как столь же точно, сколь и тщательно организованная и бестрепетно работающая администрация тут же «оприходует» все эти запасы...» (подчеркнуто мною – В. С.). Как добиться цели – «предоставить в распоряжение германского народного хозяйства продовольствие и сырье» (естественно украинские) оккупанты решали сами (с. 285). И это вобщем–то весьма хорошо известно.

Ценность анализируемого издания состоит и в том, что в нем содержатся очень любопытные сюжеты, до которых практически не доходят отечественные исследователи.

Кроме того, что уделяется, как отмечалось выше, определенное внимание, условно говоря, «польскому фактору», который так или иначе оборачивался не в пользу немецкой стороны (с. 284 и др.), евангелический референт К. Гельсхорн подробно останавливается на проблеме отношения местных евреев к немцам.

Осуществив краткий экскурс в историю страданий и лишений еврейского этноса в России, автор, невзирая на разнотолки, приходит к выводу, что в целом «евреи встретили немцев (т.е. их приход в Украину – В. С.) вполне дружелюбно, не только потому, что им было удобно работать с немцами, а из-за того, что германские победы покончили с властью царизма, при которой на евреев налагались многочисленные ограничения» (с. 287). Хотя в данном случае явно переоцениваются результаты империалистической войны в пользу Германии, определенная логика в подобных утверждениях все же в целом есть. Однако немецкий священник не вполне последователен, пытаясь углубить анализ деликатной проблемы.

«Вполне понятно, что евреи с радостью приветствовали свержение царизма. За свою свободу они должны были благодарить победы германских войск и русскую революцию, которая завершила дело, начатое первыми. Русская революция имела немало сторонников среди евреев. Многие из них были фанатичными приверженцами большевизма или социальной революции. Конечно, в большинстве своем это были те, у кого не было своего дела, так что терять было нечего. Так как немцы на Украине боролись с большевизмом, то евреи, настроенные большевистски, естественно,

стали противниками немцев. Кроме того, евреи зачастую хотели бы сместить фокус недовольства русского населения дороговизной, вызванной скупками евреями продовольствия и иных товаров, на немцев, якобы виновных в росте цен» (с. 288).

Еще в большей мере автор противоречит сам себе, полагая, что «в целом евреи на Украине, как и в других местах, сослужили нам немалую службу, хотя и гарантировали себе немалую выгоду. В России же еще более, чем в иных странах верна поговорка, что без евреев гешефта не будет. Обстановка на Украине была такова, что без помощи евреев мы не смогли бы там добиться вообще ничего, по меньшей мере в деловом отношении... Наши солдаты провернули с евреями немало дел, да и как говорили, кое-какие частные сделки не прочь были обделать с ними и некоторые офицеры.

Евреи чуть ли не осаждали немцев. Затем они предлагали нашим солдатам разнообразные товары, которые отправляли домой или брали с собой, уезжая в отпуск...

Евреи для нас, немцев, были незаменимы как переводчики. Ведь их наречие, идиш, суть лишь испорченный немецкий, сильно перемешанный со словечками из иврита, русского и польского языков. Так что с евреем всегда можно было договориться» (с. 288–289).

Совсем иные выводы следовали из анализа немецко-украинских отношений. Попытки доказать, что «уважение к немцам было очень велико», разбиваются о категорическую констатацию, что начавшейся крестьянством «конца-края войне не видно» (с. 291).

Поэтому на основе обобщения сведений, как на внутреннем фронте, так и неутешительных информаций, поступавших с западного театра военных действий, евангелический пастырь решился произнести проповедь, облеченную в тревожные тона и предсказанием печальных перспектив. Когда воинскому начальству стало об этом известно (солдат на богослужения в храмы делегировали, даже издавали для этого специальные приказы, а офицеры особого рвения не проявляли) реалистично мыслящего священнослужителя вначале отстранили от осуществления своих прямых функций, а затем и вовсе через военное министерство отозвали с Украины (с. 296–297).

Таким образом, в оценках и рассуждениях К. Гельсхорна содержится значительный массив интересных сведений, касающихся весьма тонких, деликатных аспектов (польский, еврейский факторы в оккупационной системе координат, подробности совершения культовых обрядов, их связь с политикой и др.), которые помогают обогатить палитру представлений о сложнейших процессах.

По своему ценными представляются и подробнейшие дневниковые путевые заметки профессора Ф. Шрадера. Охватывая хронологически небольшой период (ноябрь 1918 г. – январь 1919 г.), они отражают малоизвестные и воспроизведенные в исторических трудах события,

связанные с выводом из Украины германского и австро-венгерского воинского контингента. Как правило, реконструкцию проблемы в изданных трудах заканчивают двумя датами – 12 и 14 декабря 1918 г. – отбытием из Киева последнего эшелона с оккупационными властями и частями, а также отъездом вместе с ними П. П. Скоропадского, который отрекся от гетманства. Однако, всегда оставалось ясным (но не проясненным), что полумиллионная военная армия, масса гражданского иностранного чиновничества вместе с огромными обозами никак не могли в сжатые сроки (до овладения Киева Директорией) покинуть огромную по европейским масштабам страну.

Материалы высокопоставленного чиновника, вынужденного с выходом Болгарии и Турции из империалистической войны спасаться бегством на родину из Стамбула через Украину вместе с другими немецкими военными и гражданскими лицами (чтобы избежать нежелательного контакта с властями Антанты), на примере частных, но весьма выразительных, красноречивых примеров отражает сложнейшие перипетии украинско-немецких отношений, в условиях краха Украинской Державы П. П. Скоропадского, победы антигетманского восстания и возрождения Украинской Народной Республики под эгидой Директории.

Хотя Ф. Шрадер являлся широко эрудированным, опытным дипломатом, знакомства с украинской действительностью через узкую вагонную щель оказалось явно недостаточно, чтобы принимать за истинные многие высказанные им сентенции. Например, для него Украина и Волынь – разные административно-государственные субъекты («Мы покинули собственно Украину и въехали на Волынь» – с. 256; «Украину и Волынь накрыла пелена опустошения» – с. 257 и др.). С. В. Петлюру он неизменно именует генералом (с. 206, 237, 244), а подвластных ему повстанцев-добровольцев – «толпой дикарей» (с. 247). В один ряд ставятся и «большевистские банды» (с. 246, 251, 258) и грабительские банды и шайки Н. Махно (с. 241, 249) и «украинские банды» (с. 253 и др.). Кстати, приблизительно так же считает и К. Гельсхорн, добавляя к этому что «большевистские» и петлюровские банды были союзниками, действовавшими заодно (с. 285, 323, 325 и др.).

Конечно, Ф. Шрадер, если не сознательно лукавит, не может постичь причин ненависти к германским оккупантам, механически олицетворяя любым этническим немцем. Так, посетив привокзальный рынок в Знаменке, он отмечает: «Это прямо насмешка над нашей бедной голодающей Германией. Тут в наличии огромные запасы сала, колбасы, смальца. Все люди – вполне упитанные, а уж некоторые из крестьянок с их курносими носами и в высоких мужских сапогах, прямо Афродиты. А вот с мужчинами дело другое. Они глядят мрачно и недоверчиво. Едва завидят немца, в их душе явно что-то происходит. И это вовсе не симпатия или любовь. Это – ненависть, яростная ненависть и желание мести, которое может

испытывать только славянин. Да что же мы такого сделали этим людям? Спросите солдат, а уж они вам расскажут» (с. 236). И если вопрос звучит почти патетически, хотя и является голой демагогией, то апелляция к виртуальным солдатским рассказам, очевидно, рассчитана на то, что во главу угла ставятся впечатления эшелонного путешествия. Автор считает совершенно неестественными, алогичными попытки украинских воинов на ряде станций разоружить немцев, чего определенное время удавалось избежать, давая взятки, откупаясь шнапсом, но в конце концов закончившиеся сдачей оружия и частичным грабежом снаряжения и багажа (с. 242–253, 254–255, 264 и др.).

Каких только возмущенных эпитетов и характеристик это не заслуживает. Жаль только, что тот же автор забывает свои же слова, несколько ранее занесенные в дневник. Рассуждая о том, что нужна новая, послевоенная, демократическая Россия, профессор–дипломат пишет, что «путь к этой новой России идет сквозь мрак бесконечной смуты, проходит по развалинам гетманского режима, созданного нами и защищаемого, но неверными средствами. Ведь давно уже ни для кого не секрет, что по отношению к украинцам мы жестоко заблуждались. Сами же наши солдаты рассазывали, как им доводилось грабить сельское население этой страны, отбирая скот, их коров и свиней, а также продовольствие. Несмотря на всю общность интересов, связывавшую нас с украинцами, между нами и украинским крестьянством вставало привидение–правление, которое мы осуществляли на основе насилия» (с. 215). Наверное, другой ответ на поставленный Ф. Шрадером вопрос искать не стоит, как ясно и то, что могли по этому поводу рассказать солдаты–окупанты.

Разве что можно добавить только краткую фразу из послесловия к своему дневнику профессора: «Не подлежит никакому сомнению, что мы, немцы, поступали с украинцами вовсе не так, как хотели бы, чтобы поступали с нами» (с. 277). Обращение к логике одной из библейских заповедей в данном случае выглядит не лишним.

Подытоживая, представляется необходимым отметить, что историки получили в свое распоряжение весьма интересное издание, дающее дополнительный заряд для исследований, для научных рассуждений, для обоснования концептуальных выводов и реконструкций непростых страниц нашего прошлого. Естественно, как и к любому другому источнику, к материалам книги «Украина – 1918. Взгляд из Германии», следует применять критический анализ, что, несомненно, еще не один раз будет делаться в будущем. Но уже сейчас, в первом аналитическом приближении с большой долей уверенности можно констатировать, что многое их воссозданного авторами – непосредственными участниками событий, пронзительно наименованных «свирепыми вихрями войны» (с. 183), заслуживает безусловного доверия и может быть эффективно использовано.

Список использованных источников

1. Солдатенко, ВФ., 2018. «Малороссийский проект», «консервативная революция» или новый виток военной спирали?», В: Солдатенко В. Ф. *В гонимые революции и войны: Украина в 1917–1920 гг.: Историко–историографические эссе*, М., с.240–292.
2. Пиріг, РЯ., 2018. «Відносини України і Центральних держав: нетипова окупація 1918 року», К., 358 с.
3. Дорнік, В., Касьянов, Г., Ліб, П., Міллер, А., Расевич, Б., 2015. «Україна між самовизначенням і окупацією: 1917–1922 роки», К., 512 с.
4. Солдатенко, ВФ., 2016. «Режим гетьманату 1918 р. у світлі документів та сучасних історичних студій», *Український історичний журнал*, №6, с.151–174.
5. Солдатенко, ВФ., 2017. «Україна 1918 року в транснаціональному контексті: історіографічний дискурс», *Гілея. Науковий вісник: Збірник наукових праць*, К., с.7–20.
6. Солдатенко, ВФ., 2017. «Порівняльна історіографічна оцінка міжнародного становища України за доби Гетьманату П. Скоропадського», *Проблеми всесвітньої історії*, №2 (4), с. 9–33.
7. Солдатенко, ВФ., 2018. «Коротке інтермеццо» гетьмана Павла Скоропадського (до питання про політико–правову оцінку та історичну долю Української Держави 1918 р.)», *Публічне право. Науково–практичний юридичний журнал*, Ч.1, 2018, №2 (30), с.166–183; Ч.2, 2018, №3 (31), с.182–195.
8. «Украина – 1918. Взгляд из Германии», 2018, М., 336 с.

References

1. Soldatenko, VF., 2018. «Malorossijskij proekt», «konservativnaja revolucija» ili novyj vitok voennoj spirali? («The Little Russian Project», «Conservative Revolution» or a new round of military spiral?), V: Soldatenko V. F. *V gornile revolucij i vojn: Ukraina v 1917–1920 gg.: Istoriko–istoriograficheskie jesse*, M., s.240–292.
2. Pyrig, RJ., 2018. «Vidnosyny Ukrai'ny i Central'nyh derzhav: netypova okupacija 1918 roku (Relations between Ukraine and the Central Powers: the atypical occupation of 1918)», K., 358 s.
3. Dornik, V., Kas'janov, G., Lib, P., Milljer, A., Rasevych, B., 2015. «Ukrai'na mizh samovyznachenням i okupacijeu: 1917–1922 roky (Ukraine between self–determination and occupation: 1917–1922)», K., 512 s.
4. Soldatenko, VF., 2016. «Rezhym get'manatu 1918 r. u svitli dokumentiv ta suchasnyh istorychnyh studij (Hetman regime of 1918 in the light of documents and modern historical studies)», *Ukrai'ns'kyj istorychnyj zhurnal*, №6, s.151–174.
5. Soldatenko, VF., 2017. «Ukrai'na 1918 roku v transnacional'nomu konteksti: istoriografichnyj dyskurs (Ukraine of 1918 in a transnational context: historiographical discourse)», *Gileja. Naukovyj visnyk: Zbirnyk naukovykh prac*, K., s.7–20.
6. Soldatenko, VF., 2017. «Porivnjal'na istoriografichna ocinka mizhnarodnogo stanovyssha Ukrai'ny za doby Get'manatu P. Skoropads'kogo (Comparative historiographic assessment of international situation in Ukraine during the P. Skoropadsky Hetmanate)», *Problemy vsesvitn'oi istorii*, №2 (4), s. 9–33.
7. Soldatenko, VF., 2018. «Korotke intermezzo» get'mana Pavla Skoropads'kogo (do pytannja pro polityko–pravovu ocinku ta istorychnu dolju Ukrai'ns'koi Derzhavy 1918 r.) («Short Intermezzo» by Hetman Pavlo Skoropadsky (to the question of political and legal assessment and historical destiny of Ukrainian State in 1918)), *Publichne pravo. Naukovo–praktynyj jurydychnyj zhurnal*, Ch.1, 2018, №2 (30), s.166–183; Ch.2, 2018, №3 (31), s.182–195.
8. «Ukrayna – 1918. Vzglyad yz Germanyy (Ukraine–1918. A look from Germany)», 2018, M., 336 s.

* * *